

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ и А. Н. ГЕНКО

АРАБСКИЕ ПИСЬМА ШАМИЛЯ В СЕВЕРО-ОСЕТИИ

ПАМЯТИ З. К. МАЛЬСАГОВА

Когда в 1933 г. Институтом востоковедения Академии Наук СССР были опубликованы некоторые арабские материалы, относящиеся к Шамилю (ЗИВ, II, 1933, 1—36); то уже после предварительного сообщения о них (Вестн. Акад. Наук, 1933, № 7, 5—8) стали поступать сведения о других аналогичных материалах в разных собраниях. Одним из первых откликнулся бывший питомец Ленинградского университета (1926—1929) З. К. Мальсагов, директор Чечено-Ингушского научно-исследовательского института в г. Грозном (скончался 21 мая 1935 г.). По своей собственной инициативе он прислал фотографические снимки пяти арабских писем Шамиля, хранящихся в Северо-Осетинском музее в г. Джау-зикау (Орджоникидзе), которые и публикуются в настоящее время.

Со стороны дешифровки письма особого труда не представляли. Сохранились они очень хорошо без повреждений, препятствующих часто разбору отдельных выражений, и читаются полностью со всей уверенностью. Большим облегчением послужило то, что все они относятся к одному времени, одной среде и в основной части к одним лицам. Реальный комментарий к ним потребовал ряда специальных и кропотливых изысканий; он составлен А. Н. Генко. Издание текста и перевод с некоторыми относящимися к ним замечаниями подготовлены И. Ю. Крачковским.

1

ТЕКСТ и ПЕРЕВОД

Письма распределены в хронологическом порядке, который не соответствует номерам, поставленным на оригиналах, вероятно, в связи с их инвентаризацией в институте. К последнему месту отнесено недатированное письмо, которое, по определению А. Н. Генко, может быть приурочено к зиме 1852—1853 г.

Все письма писаны типичным кавказским почерком этой эпохи, но тремя разными руками, вероятно секретарей Шамиля. Группа наиболее близко хронологически связанных между собою (II—IV) писана одним и тем же лицом, I и V — двумя другими. Печатей на лицевой стороне писем нет. Палеографическими особенностями письма не богаты; во всяком случае, их меньше, чем в некоторых других арабских документах кавказского происхождения той же эпохи. В отдельных случаях систематически применяются надчеркивания: над последним السلام они имеются во всех письмах (I, 13; II, 9; III, 11; IV, 16; V, в связи со своим содержанием, этой формулы

не имеет). В одном письме подчеркнута дата (I, 14—15); появляются такие черты и над выражениями или началами фраз, выделяемыми по логическому ударению или по взаимной связи (II, 7; III, 5, 7, 8, 10; IV, 6, 7). Встречаются специфические значки, которые систематически прослежены Г. В. Церетели в большом письме Шамиля из Калуги (ЗИВ, V, 1936, 113—114) и в настоящее время объяснены А. М. Барабановым. Значок ۞ над с й н о м в обоих случаях имеет, повидимому, только графическое значение (I, 12 نفسى; IV, 10 الباسل), значок ۞ под разными словами указывает на связь между ними (IV, 11 بتقى; تطيعوم; تعصوم; ibid., 12 ما دام), равно как и подобие хамзы под местоименными суффиксами и в других случаях (II, 3 التقيصير; ibid., 5 فيه; ibid., 8 حجيو; ibid., 9 مقالاته) или подобие м й м а (IV, 3 اتبى; ibid., 4 سئلنا; ibid., 8 راي; ibid., 9 اقتراحه). Из гласных знаков более или менее часто появляется только х а м з а, значительно реже — с у к ъ н (II, 6 أنفاد; III, 3 جعلنا; IV, 12 فمن) и т е ш д й д (III, 10 حيت; IV, 15 يلومن; V, 5 فاستعدوا). Частичная огласовка, повидимому, не подчиняется определенной системе; регулярность заметна только в появлении т е н в й н а к е с р ы (II, 4 بتنبيه وتعذير; ibid., 8 التغاب; III, 6 تغاوت; ibid., 9 وبتسوية). Нельзя сказать того же про т е н в й н ф а т х и, появляющийся один раз (IV, 7 ومفیدًا). В других примерах огласовка носит случайный характер (II, 6 أنفاد; ibid., 7 زال; IV, 5 أعرض; ibid., 8 لما راي; ibid., 9 وجعلناكم; ibid., 11 لما; ibid., 14 واراخته; ibid., 15 نفسه; V, 2 والشكرت). Полная огласовка встречается трижды (II, 3 تُخْرِف; ibid., 7 مُدِيرَةً; IV, 8 كَمَل). Точки иногда имеют тенденцию передвижения, затрудняющую правильное чтение (напр. III, 4 اتبى, которое скорее выглядит как ابتى; там же فبارك; написано فبارك). По обычной кавказской системе две и три точки пишутся слитной чертой с малым отличием в обоих случаях. Из сокращений встретилось только 1, 3 تعال = تعال.

С исторической точки зрения письма представляют интерес прежде всего как образчики внутренних сношений Шамиля, в противоположность до сих пор опубликованным письмам его проф. Казембеку, ген. Богуславскому, полк. Руновскому и бар. Николаи. По своему построению № V резко отличается от первых четырех, представляющих один тип. Они адресованы, так сказать, «подданным» Шамиля, признающим его власть; последнее же — ослушникам, отказавшимся от повиновения. Этим объясняются и тон их и различие применяемых формул; в последнем письме Шамиль не называет себя уже «повелителем правоверных»; ни в начале, ни в конце его нет пожелания мира адресатам. По своему лаконичному характеру и сильному, резкому тону оно напоминает письмо бар. Николаи с ультиматумом по поводу задержки пленных. Стиль его, несколько архаичный даже сравнительно с первыми, несомненно подражает тем образцам, аналогичным документам эпохи расцвета арабского халифата, которые сохранены некоторыми историками. Основная группа писем дает возможность ознакомиться, так сказать, с типом официальных декретов Шамиля о назначении наибов, смещении их, объеме их функций и т. д. Язык их более деловит и формален, но тоже

отражает хорошее владение приемами лаконичного классического стиля.

Как всегда в произведениях арабской письменности на Кавказе, и в этой группе документов есть некоторые особенности и синтаксиса и лексики, которые с точки зрения строгих пуристов классического языка могут показаться неправильностями. Мне кажется, что они являются скорее известными новообразованиями, которые возникли и развились закономерно, благодаря своеобразной среде, где создавалась и росла эта письменность. Для суждения об их характере нужен систематический анализ соответствующих, по возможности многочисленных, памятников. За последние годы материал систематически растет и скоро даст основательную базу для суждения о нем и с этой точки зрения с достаточной уверенностью.

I (№ 3)

16 января 1850 г.

من امير المؤمنين شوبل الى اخوانه الكرام
 جميع اهالى وجماعة شوبل السلام عليكم
 ورحمة الله تعالى * وبركاته و رضوانه امين
 اما بعد فلقد رايت اصالح لكم تفريقكم
 من نائبيكم القديم وانبت لكم رجلكم الفاضل 5
 بتق ** وانه يأمركم بما امركم به الله
 وينهاكم بما نهاكم الله عنه فاطيعوه ولا
 تخالفوه فمن اطاعه فقد اطاع الله
 ورسوله واطاعنى ومن خالفه فقد 10
 خالف الله ورسوله وخالفنى ومعلوم
 عندكم منزلتكم منى فانكم كاهل بيتى
 لا اريد لكم الا ما اريد لنفسى هذا

والسلام

حرر في اليوم الثانى من

*** ربيع الاول من هذه السنة ١٢٧٧

15

От повелителя правоверных Шамиля к братьям его почтенным, всем жителям и общине Шубут^{*} — мир вам и милость Аллаха всевышнего и благословения его и довольство его — аминь. А затем — признал я за лучшее для вас отделение вас от прежнего вашего наиба и сделал наибом вам вашего достойного мужа Батуко, и он будет повелевать вам то, что повелел вам Аллах, и удерживать вас от того, от чего удерживал вас Аллах. Повинуйтесь же ему и не ослушивайтесь его, ибо кто повинуется

* В оригинале сокращение تعا.

** В оригинале скорее: بتقه, но в других письмах ясно: بتقى.

*** Последнее ٧ можно прочесть и как ٩, но см. комментарий А. Н. Генко.

^а О всех географических названиях и собственных именах лиц см. комментарий.

ему, тот повинуется Аллаху и его посланнику и повинуется мне, а кто ослушивается его, тот ослушивается Аллаха и его посланника и ослушивается меня. Известно вам ваше место у меня; ведь вы как семья моего дома, я желаю вам только того, что желаю себе. Сие — и мир.

Писано во второй день первого раб^а этого года 1266.^а

II (№ 4)

21 июня 1852 г.

من امير المؤمنين شويل
الى اخيه النائب بتق سلام عليكم
اما بعد فان نُخَوِّفُ ذوى التقصير
بتنبيه و تعزير بحيث لا يخوضون
فيه قط و ان لا تخافى فى الله
لومة لائم و نحن نعينك فى انفاذ
الحق و اعلم انه زال مُدِيرِيَّةُ
حجيو عنكم فلا حاجة لكم الى التفات
الى مقالاته هذا والسلام
يوم الاثنين 10 من رمضان
١٢٧٨ ٣

От повелителя правоверных Шамиля брату его наибу Батуко — мир вам. А затем — чтобы ты устрасил предупреждением и наказанием небрегущих так, чтобы они в это никогда не погружались, — и чтобы ты не боялся из-за Аллаха хулы хулителя^б, и мы поможем тебе в проведении истины. И знай, что мудирство^в Хажияу у вас прекратилось, и нет нужды вам обращать внимание на его слова. Сие — и мир. Понедельник 3 рамадана 1268^г.

III (№ 5)

6 сентября 1852 г.

من امير المؤمنين شويل الى اخيه النائب
بتق سلام عليكم اما بعد

^а Соответствует 16 января 1850 г.

^б Ср. Коран, 5, 59.

^в Мудирство — должность мудира, букв. правителя, одно время введенная Шамилем наряду с наибами, о чем см. в комментарии.

^г Соответствует 21 июня 1852 г.

فقد جعلنا كافة اهالى ولاية اخينا الامين
 اتبى تحت قبضتك لما راينا فبارك الله
 تعالى لك فيهم ولهم فيك و نامرك اَن
 5 تنظر اليهم كما الى ولايتك القديمة بلا تفاوت
 وَاَن تنفذ فيهم الامور الشرعية و السياسية
 والنظامية بلا تسامح وَاَن تسعى بينهم
 بالعدل و الانصاف و بتسوية بين الاخوة

والحساد وَاَن لا تترك امرهم فى حيز الحرب
 10 هذا والسلام
 يوم الاثنين من ذى

القعدة ٢١

١٢٧٨

От повелителя правоверных Шамиля брату его наибу Батуко — мир вам!
 А затем — всех жителей области брата нашего доверенного Атабая назна-
 чили мы под твою власть, как решили.

Да даст же Аллах всевышний благословение тебе в них и им в тебе.
 И повелеваем мы тебе, чтобы ты смотрел на них как на свою прежнюю
 область без различия и чтобы проводил среди них дела шариатские^а и адми-
 нистративные и низамские без послабления и чтобы действовал среди них
 справедливо и беспристрастно, уравнивая братьев и завистников и чтобы
 не оставил их дела в состоянии разорения. Сие — и мир. Понедельник
 21 зү-л-қады 1268.^б

IV (№ 2)

6 сентября 1852 г.

من امير المؤمنين شويل
 الى اخوانه كافة اهالى ولاية كانت
 تحت قبضة اخينا الامين اتبى
 سلام عليكم اما بعد فلما سئلنا
 5 انعزاله عن النيابة واراحته
 فى داره مشغلا بعلومه النفيسة

^а О значении этого и следующих терминов в практике Шамиля см. комментарий.

^б Соответствует 6 сентября 1852 г.

و بَعَادَةَ رَبِّهِ تَعَالَى شَانَهُ وَمَغِيدًا
لِلْمُسْتَفِيدِينَ مِنْهُ مِنْ كُتْلٍ طَلَابِ الْاَوَانِ لِمَا رَاىِ

اَجْبِنَاهُ عَلَى طَبَاقِ اقْتِرَاحِهِ وَجَعَلْنَاكُمْ

تَحْتَ قَبْضَةِ اَخِيْنَا الْاَمِينِ الْبَاسِلِ 10

بِتَقِ لِمَا رَاَيْنَا فَنَامِرَكُمْ اِنْ تَطِيعُوهُمْ

فِي جَمِيعِ الْاُمُورِ * مَا دَامَ عَلَى الْحَقِّ فَمَنْ اطَاعَهُ

مِنْكُمْ فَقَدْ اطَاعَنِي وَمَنْ عَصَاهُ فَقَدْ عَصَانِي

و مَنْ اَعْرَضَ مِنْكُمْ وَتَوَلَّى وَاسْتَكْبَرَ

وَابَى فَلَا يَلُومَنَّ الْاَنْفُسَ هَذَا 15

وَالسَّلَامُ يَوْمَ الْاِثْنَيْنِ مِنْ ذِي الْقَعْدَةِ

١٢٧٨

٢١

От повелителя правоверных Шамиля братьям его всем жителям области, которая была под властью брата нашего доверенного Атабая — мир вам! А затем — так как он просил нас уволить его от наибства и дать ему покой в своем доме для занятия его важными науками и поклонения господу — превознесен его сан! — и для принесения пользы ищущим пользы от него из совершенных искателей нашего времени, как он решил, ответили мы ему удовлетворением его обращения и назначили вас под власть брата нашего доверенного храброго Батуко, как мы решили. И повелеваем мы вам повиноваться ему во всех делах (и не ослушиваться его хотя бы в чем-либо),* пока он пребывает в истине. И кто повинуется ему из вас, тот повинуется мне, а кто ослушивается его, тот ослушивается меня. А кто из вас отвратился и обратился вспять, и возгордился, и отверг, тот пусть бранит только самого себя. Сие — и мир! Понедельник 21 зү-л-қады 1268.⁶

V (1)

Зима 1852—1853 г.

من الكاتب الفقير شمويل الى كافة اهالى القرى داج برز**

والشكرت وما حواليهما سلام على من اتبع الهدى

اما بعد

* За этим словом стоит знак ʔ, и на полях вертикально с тем же знаком добавлена фраза: وان لا تعصوه ولو فى شىء.

** Последняя буква неясна.

* Фраза в скобках приписана в оригинале на полях.

⁶ Соответствует 6 сентября 1852 г.

فقد بلغنى انكم صرتم من البغاة بل من الطغاة
 فاستعدّوا الجلابيب لمحاربة الله فقد آذنت
 لكم بالحرب وسيعلم الذين ظلموا اى منقلب ينقلبون
 ولا حول ولا قوة الا بالله العزيز الحكيم

От пишущего бедняка Шамиля ко всем жителям деревень Дачу Барзой и Улускерт и их округов — мир тому, кто следует прямому водительству.* А затем — дошло до меня, что вы стали из преступников и даже ослушников. Готовьте же рубахи для войны с Аллахом,* ибо я возвещаю вам войну. И узнают те, кто был неправеден, каким поворотом они обратятся.⁶ И нет мощи и нет силы, кроме как с Аллахом,⁷ великим, мудрым.

2

КОММЕНТАРИЙ

1852 год, к которому относится большинство писем, отмечается значительными военными предприятиями на территории Чечни кн. А. И. Барятинского, назначенного в предшествующем 1851 г. начальником так наз. «левого фланга Кавказской линии» (приходившегося на Чечню, от Моздока до Каспийского моря, по Сулаку). Военные действия охватили в этом году всю Чечню, и царские войска доходили до того важнейшего в стратегическом отношении участка чеченской территории, где река Аргун выходит из гор на плоскость и где расположены были, до военных действий в январе — марте 1858 г., крупнейшие аулы Дачу Барзой, Исмаил Юрт, Дутен (гсп. Дуютин, Дютин) и Улускерт (гсп. Урускерт).¹

* Иначе говоря: готовьте саваны на случай грозящей вам смерти.

² Коран, 20, 49.

⁶ Коран, 26, 228.

⁷ Ср. Коран, 18, 37.

¹ Перечисленные населенные пункты показаны на карте Кавказа десятиверстного масштаба, изданной в Тифлисе в 1847 г. Позднейшие карты уже не знают ни Исмаил Юрта, ни Дутена, так как аулы эти, будучи основательно разрушены в 1858 г. (ср.: Кавказ, 1858, №№ 11 и 17; Военный сборник, 1859, кн. 8, стр. 89—112; Русская Старина, 1894, ноябрь, стр. 230—232; Кавказский сборник, т. III, 1879, стр. 404—405; 416—421), более не восстанавливались. Относительно них необходимо исправить сказанное в статье «Арабская карта Чечни эпохи Шамиля» (Зап. ИВАН, II, I, Лгр., 1933), на стр. 25, прим. 1 и 2 (следует читать под № 19: «это селение Дутен», а не «Дубаюрт»; под № 20: «это селение Исмаил Юрт»). Что касается термина غاف, казавшегося «загадочным» (см. ук. статью, стр. 27, прим. 4), то представляется теперь очевидным турецкое происхождение слова; искусственные укрепления, с валом и частоколом, назывались в Чечне в эпоху кавказской войны «Капу» гсп. «Копу», что означает, собственно, «ворота». Более известные из подобных укрепленных мест Шуайб Капу (по имени мичиковского наиба Шуайба, убитого в 1843 г.) [об укреплении см. Л. П. Николай в «Материалах для истории кавказской войны» (Кавказ, 1873, № 93) и специально «Кавказ» (1874, № 101); здесь дается описание окончательного захвата укрепления русскими 4 января 1855 г., с приложением подробного плана; на пятиверстной карте Кавказа, лист Ж 5, оно показано верстах в двух к западу от сел. Цонторой, под названием «быв. укр. Шугаин (sic!) Тан] и Гойтемир Капу, называемое также часто «Гойтемировыми воротами» (по имени ауховского наиба Гойтемира; об укреплении см. Николай, I. с., 1874 г., №№ 129 и 150). Смысловый переход от значения «ворота» к значению «укрепление» «редут» легко объясняется условиями местности: чеченские укрепления воздавались почти исключительно в проходах, будь то на равнине (в лесных просеках

О громадном впечатлении, произведенном на массы чеченского населения военными действиями 1852 г. и последующего 1853 г. [см. о них подробные данные в статьях Волконского в «Кавказском сборнике» (т. V, 1880, стр. 1—234) и Егорова (там же, т. XVI, 1895, стр. 352—405)], легко судить по одному тому, что количество перебежчиков к русским достигло в эти годы своей кульминационной точки, а в 1852 г. в крепости Грозной был организован для переселенцев специальный Чеченский суд (Мэхкемэ Чачани, ср.: А. П. Б е р ж е. Чечня и чеченцы, стр. 103). Военные историки говорят не только о «многочисленных переселениях непокорных жителей в наши пределы и переходе к нам многих наибо» (Егоров, 1. с., стр. 353), но считают также, что одна лишь русско-турецкая («восточная») война 1853—1855 гг. помогла сохранению (после событий 1852 г.) власти Шамиля над Чечней [ср. напр. слова Ольшевского в «Русской Старине» (1894, февраль, стр. 159)]. Представляется поэтому наиболее вероятным, что недатированное письмо Шамиля «ко всем жителям деревень Дачу Барзой и Улускерт и их округов» относится именно к зиме 1852—1853 г.; непосредственным поводом для «беззакония и ослушничества», о котором говорит Шамиль и под которым естественнее всего подразумевать стремление к переселению в русские пределы, могло послужить внезапное появление русских войск 15 августа 1852 г. в расположенных по соседству с Дачу Барзою селениях Чишки и Гой (ср.: Кавказский сборник, т. V, стр. 203—208), откуда они были вытеснены энергичным шатоевским наибом Батуко (ibid.).

Даже полуофициальная военная историография не скрывала в прошлом, что относительная успешность военных действий Барятинского в 1852 г. стояла в прямой связи с изменой Шамилю в 1851 г. одного из самых образованных и энергичных его сотрудников, качкалыкского наиба Бата (Буота) Шамурзаева. О нем имеется много свидетельств: Л. П. Николаи в «Материалах для истории Кавказской войны» («Кавказ» за 1872—1874 гг. *passim*, спец. в № 99 за 1873 г.); Ольшевский в «Русской Старине» (1894, февраль, стр. 140—141); Волконский в «Кавказском сборнике» (т. V, стр. 23—25 и др.); К. в «Кавказском сборнике» (т. XIII, стр. 613—616). Бата был фактическим руководителем всех более значительных военных предприятий царского правительства на территории Чечни, с 1852 по 1858 г., дослужился до разных почестей (был сначала наибом покоренной части восточной Чечни, по окончании войны состоял «при Кавказской армии» со званием майора милиции)¹ и интересен для истории кавказоведения по своему участию в некоторых научных работах,

или же в горах (в ушельях), и заменяли в известном смысле ворота. Наиболее деятельным строителем подобных укреплений был Хаджи Юсуф, носивший в горах специальное прозвище «Кала хаджи», хаджи крепостей [замечание Пржецлавского в «Кавказе», (1863, № 63)]. К сказанному о Юсуфе в цитированной выше статье «Арабская карта Чечни» следует добавить версию, приводимую в «Актах Кавказской археографической комиссии» (т. X, Тифлис, 1885, стр. 503, прим.), согласно которой Юсуф был по происхождению не чеченец, а сын торговца «татарина» (очевидный плод недоразумения, напоминающего еще более фантастическую версию о нечеченском происхождении другого знаменитого чеченского деятеля, Шейха Мансура, под личиной которого будто бы скрывался итальянский миссионер). Ср. замечания Е. Г. Вейденбаума в книге «Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии» (Тифлис, 1899, стр. 172).

¹ В качестве «весьма хорошо знакомого как с местностью, так и с населением», майор Бата Шамурзаев получил задание склонить 29 мая 1865 г. жителей горно-чеченского аула Хорошой к выдаче царскому правительству претендента в «имамы», Тазу Экмирзаева, и, выполнив успешно это поручение, доставил его в укрепление Ведено. Т. Экмирзаев был судим военно-полевым судом и приговорен к смертной казни (приговор был впоследствии заменен каторжными работами на 12 лет). См. документы по делу в сборнике «Переселение горцев в Турцию» (изд. Дзагуровым, Ростов/Дон, 1925, стр. 102, 111—112 и 200—201). Б. Шамурзаев упоминается дважды в хронике Мухаммеда

посвященных изучению Чечни [он был одним из осведомителей А. П. Берже при составлении последнего его известного очерка «Чечня и чеченцы» (Тифлис, 1860; ср. предисловие, стр. VI) и переводил на чеченский язык русский словарь, использованный впоследствии А. А. Шифнером в его исследовании (Schiefner, Tschetschenische Studien, St. Petersburg, 1864, Vorwort, VII. — Кавказский сборник, т. XIII, стр. 613)].

Адресат двух писем — один из выдающихся соратников имама, шатоевский или шубутовский¹ наиб Батуко (в русских источниках также Батока, Батука).² По отзывам Н. А. Волконского, Батуко был «надежнейший из сподвижников Шамиля» (Кавк. сборн., т. III, стр. 571), «отважный и распорядительный» (ibid., стр. 382); у него «всегда было достаточно и храбрости, и ума, и опытности» (ibid., т. V, стр. 206). Первое упоминание о нем в доступных нам источниках относится к концу 1851 г. при следующих обстоятельствах: когда царские войска под начальством Слепцова проникли в глубь Малой Чечни, в верховья рек Валерик и Шалаж, местный наиб Алхан обратился за помощью к Шамилю, и тот прислал на этом основании в декабре 1851 г. «300 человек пеших и 150 конных шубутовцев, под начальством наиба Батока . . . Чеченцы (scil. Малой Чечни) были сильно разочарованы. Батока они не знали и потому отнеслись к нему с недоверием; наиб, со своей стороны, без содействия чеченцев не решился выступить против нашего отряда» (ibid., т. XIX, 1898, стр. 38). В середине августа 1852 г. Батуко, в качестве шатоевского наиба, идет на помощь одному из наибов Б. Чечни, знаменитому бойцу Талгику, и сталкивается случайно с царскими войсками в районе сел. Чишки (ibid., т. V, стр. 205 сл.), тревожит нередко царские войска в последующие годы (напр. в деле 31 октября 1853 г., ср. Акты Кавк. археогр. ком., т. X, стр. 554), мужественно борется с войсками ген. Евдокимова, вторгшимися в 1858 г. в Аргунское ущелье, но под давлением превосходных сил и ввиду массового перехода чеченского населения на сторону царского правительства, раненый, сдается 17 августа 1858 г. (Кавк. сборн., т. III, стр. 571—572; ср. Кавказ, 1858 г., № 75) и оставляется на первое время в прежней должности шатоевского наиба. Для характеристики личности наиба интересны сведения, передаваемые Волконским (цит. сборн., т. III, стр. 583—584) в связи с описанием хутора Батуко, расположенного неподалеку от Шатоя: «наиб уединился (scil. на хуторе) собственно потому, чтобы не иметь никаких сношений (?) с шатоевцами, которые большею частью его не любили. Среди общества были многие семейства, которые питали к наibu кровавую месть, но обязаны были ему подчиняться, потому что боялись Шамиля. . . Одною из главных причин слабого сопротивления, которое оказывали нам шатоевцы, и быстрого принесения ими покорности был именно разлад общества с наибом». На литографии, напечатанной Главным штабом в Тифлисе в 1859 г. и изображающей («по рисункам с натуры и с фотографий Г. О.») Шамиля, двух его сыновей и 9 наибов, представлен в числе других (под № 9)

Тахира, под именем Бута и Бутай (см. теперь русский перевод А. М. Барабанова, стр. 199 и 237).

¹ О тождестве этих двух терминов см. замечание в «Кавказском сборнике» (т. III, стр. 488, прим.); по сведениям Берже (I. с., стр. 82) следует различать общества Шатой или Шубузы и Шопоти (= Шубути) или Пшхой — последнее находилось около истоков р. Мартан. Шубутовское наибство, наряду с Шатоевским, упоминается Берже (I. с. стр. 112) в историческом обзоре управления Шамиля Чечней; сведения Берже противоречат, впрочем, еще кое в чем другим источникам, имеющимся по этому вопросу в нашем распоряжении (ср. ниже).

² Это кабардинское по происхождению мужское имя в чеченском произносится нередко «Бетик». Последнюю форму отражает в печатаемых письмах орфография بتق

«Батуко Шатоевский»: здесь он имеет вид пожилого, суровой внешности, мужчины.

Территория области Шубут, подчиненная Батуко, и вооруженные силы, имевшиеся в его распоряжении, указаны на известной «карте горских народов, подвластных Шамилю», составленной Юсуфом Гаджи Эфенди Сафаровым и изданной в 1872 г. литографским способом Линевицем в «Сборнике сведений о кавказских горцах» (вып. VI). Здесь по ошибке напечатано «Бацока» в русском переводе текста карты; в арабском оригинале читается правильно بتقہ *rsp.* بتقه (ср. выше, стр. 38, прим.). Наибство Батуко, область Шубут (قسم شوبوت), причисляется составителем карты к категории «жителей горы (живущих) между рекой Аргун и (рекой) Койсу (и состоящих) из чеченцев и тавлинцев» (в русском переводе у Линевица не точно: «общества, находящиеся в горах и состоящие из чеченцев и тавлинцев»). Оно занимало, судя по карте, территорию, почти совпадающую с территорией современного Шатоевского района Чечено-Ингушской АССР, т. е. располагалось в Аргунском ущелье по обоим берегам реки Чанты-Аргун, начиная от места слияния этой реки с рекой Шаро-Аргун и выхода ее на Чеченскую равнину, в глубь гор до селения Тумсой, вверх по течению на расстояние приблизительно 35—40 километров. В пределах наибства на карте показано двенадцать селений, а именно: Исмаил Юрт [так в русской копии карты, в оригинале: اسمیل یو (sic!); ныне не существует], Дуйтюн (دویتین), Дачу Барз (داجی برزوی); современная форма названия — Дачу Борзой), Урускерт (ارسکرت; совр. Улус Керт), Чишка (چشکی, Чишки), Варанда (ورند, Варанды), Шута (?شوت, совр. Шатой), Вашандар (واشند, Вашендорой), Тумса (تمسی, Тумсой), Келя (کیلی, совр. Юкеркелой?), Ханакаль (حانقال, Хани-кале) и Халанкаль (?حلی قوقل, Хали-Кале). В распоряжении Батуко находилось, по сведениям составителя карты, 200 конных и 300 пеших, всего 500 вооруженных воинов; таким образом, по сравнению с воинскими контингентами, выставлявшимися согласно карте другими чеченскими наибствами (Ичкеринское наибство выставляло 300 чел., Гехинское — 330, Шароевское — 380, Чаберлоевское — 450, Ауховское — 530, Шалинское — 550, Мичиковское — 580 и Нашахское — 650), наибство Батуко оказывается занимающим среднее по численности положение.

К сожалению, как явствует из сопоставления имеющихся в литературе данных, ни точное время и обстоятельства составления карты, ни степень надежности источников информации, которой располагал ее автор, не могут считаться полностью установленными. Что касается времени составления карты (а тем самым, естественно полагать, и примерной даты того положения наибств и их вооруженных сил, которые даются картой), то прежде всего бросается в глаза очевидная несогласованность указаний русского перевода карты, предложенного у Линевица, с данными арабского подлинника. Линевиц относит карту ко времени до выхода составителя ее, Юсуфа Гаджи Эфенди Сафарова, из гор в 1856 г., что явствует из его слов: «Для придания рельефности своей карте, Сафаров иллюминировал ее и, как видно, употребил при черчении все, и м е в ш и е с я у н е г о в г о р а х, краски». Известный библиограф Козубский относит составление карты ко времени «между 1840—1850 гг.» [см. его опыт библиографии Дагестанской области, стр. 168, под номером 1004, в приложении к «Памятной книжке Дагестанской области» (Темир-Хан-Шура, 1895)].¹ Русская «копия карты

¹ Это неопределенное и заведомо неточное указание повторяется до последнего времени, ср., напр., в популярном очерке С. К. Бушуева—«Борьба горцев за независимость».

и перевод с арабского сделаны в 1856 г.», — указывается в издании Линевица. Между тем, в арабском названии карты, «обозначенном на обороте карты», содержится дата 27 мухаррама 1274 г. (هذا خريطة بلاد شامل ٢٧ محرم ١٢٧٤ سنة), что соответствует 17 сентября 1857 г. Недоверие к данным копии усиливается многочисленными неточностями и пробелами русского перевода, предложенного в издании. Решающим критерием должны послужить реальные данные самой карты: наличие на карте укрепления Лучек (заложено 3 июня 1850 г.), укрепленной станицы Алхан-Юрт (заложена 1 мая 1851 г.) и т. п. относит время составления карты, во всяком случае, не к 40-м, а к 50-м годам. Более точные термины содержатся: с одной стороны, *terminus post quem* — в показании картой укрепления Бердыкель (заложено в апреле 1856 г.), с другой стороны, *terminus ante quem* — в отсутствии укреплений в Шали, Хаби Шавдоне и др., возникших в течение 1857 г. Из сказанного явствует, что карту в ее реальных показаниях можно датировать второй половиной 1856 г.

Что касается точности показаний Юсуф-Гаджи Сафарова относительно воинских ресурсов Шамиля, следует полагать, что цифры, им предложенные, схематичны и преуменьшают действительные цифры контингентов, находившихся в подчинении у отдельных наибов. Мне неизвестны, к сожалению, какие-либо данные в печати по части чеченских наибств. Для Дагестана контролирующие и уточняющие показания Сафарова источники имеются. Едва ли не наиболее обстоятельны сведения, имеющиеся для 7 наибств Северного Дагестана (Технуцальского, Андийского, Каратинского, Тиндальского, Чамалало-Ункратльского, Гумбетовского и Дидойского), напечатанные первоначально в «Сборнике сведений о кавказских горах», (вып. IX, Тифлис, 1876) в отделе «Горская летопись», под заглавием «Статистические сведения по Андийскому округу за 1873 и 1874 годы и сравнительная таблица военных сил края до и после покорения Дагестана», а затем воспроизведенные в сокращенном виде в «Известиях Кавказского отдела Русского географического общества» (т. VI, Тифлис, 1879—1881, стр. 303—306). Сравнивая эти данные, ценные и производящие впечатление значительной достоверности (вследствие точного по отдельным аулам перечисления численности пехоты и кавалерии), как относящиеся «к последнему времени мюридизма» (данные собраны в 1875 г. по показаниям местных наибов, одни из которых были непосредственными участниками войны и соратниками Шамиля), с цифрами Сафарова (тоже относящимися к последним годам мюридизма), мы получаем впечатление, вполне подтверждающее предложенную характеристику сведений Сафарова как схематических и заниженных. Для Технуцальского наибства сведения 1875 г. указывают 796 пехотинцев и 312 кавалеристов (ср. у Сафарова соответственно 360 и 200), для Андийского наибства — 135 пехотинцев и 635 кавалеристов (у Сафарова — 200 и 300), для Каратинского наибства — 507 пехотинцев и 790 кавалеристов (у Сафарова — 250 и 350), для Тиндальского наибства — 643 пехотинца и 109 кавалеристов (у Сафарова — 400 и 300), для Чамалало-Ункратльского наибства — 625 пехотинцев и 367 кавалеристов (у Сафарова отдельно для Чамалала — 250 и 150, а для Ункратля — 320 и 150), для Гумбетовского наибства — 557 пехотинцев и 572 кавалериста (без селений Артлух и Данух, уничтоженных во время событий 1877 г.; у Сафарова — 200 и 250) и для Дидойского наибства — 725 пехотинцев (кавалеристы не рекрутировались);

под руководством Шамиля» (1939, стр. 125): «в 40-х годах», и в одноименном труде, изданном в Дагестане в том же 1939 г. Р. Магомедовым (стр. 96, прим. 2): «данные Юсуф-Гаджи относятся тоже к 40-м годам».

цифра 725 — без учета селения Асахо, прекратившего существование в 1877 г. (у Сафарова — 350 и 100), итого по всем 7 (8) наибствам — 3988 пехотинцев и 2785 кавалеристов, всего 6773 человека против показанных у Сафарова 4130 чел. Необходимо, впрочем, оговориться, что границы наибств, существовавших в 60—70-х годах в Андийском округе Дагестана, менялись и не вполне совпадали с границами, показанными на карте Сафарова (так, например, сел. Асахо, Хупро отнесены у Сафарова к Ункратлю, в 1875 г. — к Дидо; сел. Читль у Сафарова — в Харадерекском наибстве, в 1875 г. — в Гумбетовском: сел. Куанада, Хуштада, Тлондода и др. у Сафарова — в Тиндинском наибстве, в 1875 г. — в Каратинском, и т. д.), что несколько затрудняет при сравнении материала.

Район верхнего течения рек Гойта, Урус-Мартан, Рошни и Гехи остается вне границ наибств, показанных на карте Сафарова. В частности, это относится к той территории, которая составляла, по всей вероятности, переданную дополнительно под управление Батуко 6 сентября 1852 г. «область брата нашего доверенного Атабая», как выражается Шамиль в письме, помещенном выше под номером III (ср. ниже, стр. 82). К жителям этой точнее не определенной территории адресовано письмо № IV. Впрочем, весь район западной Чечни представлен на карте Сафарова заведомо неверно: наибство Нашахское показано расположенным в верхней части течения р. Аргун, тогда как в действительности это название относится (и относилось без сомнения, и прежде) в первую очередь к современному Галанчожскому району, расположенному в верховьях р. Гехи.

В числе многих наибов, одновременно смещенных Шамилем в связи с внутренней борьбой в имамате, Абдуррахман, сын Джемалэддина, называет в своих записках (напечатанных в газете «Кавказ» за 1862 г.) «Батака из Шубута». Поскольку участие Батуко в качестве наиба Шатоевского района документировано, как мы видели, в наших источниках по 1858 г. включительно, можно полагать, что упомянутый факт смещения его произошел, вероятно, в последний год существования имамата, после фактического перехода Батуко на сторону русских в августе 1858 г; отрешение имело в таком случае чисто формальное значение, и сообщение Абдуррахмана не может служить само по себе основанием считать Батуко в числе оппозиционно настроенных по отношению к Шамилю элементов Чечни.¹

Сопоставляя приведенные данные о Батуко с письмами к нему и общине Шубут, мы получаем необходимый критерий для сравнительной оценки двух возможных датировок письма к шубутовцам (фотография дает возможность читать двояко: 1266 или 1269): предпочтительной оказывается датировка «во второй день первого раби 1266 года», т. е. 16 января 1850 г. Факт назначения в начале 1850 г. Батуко шатоевским наибом, по имеющимся печатным источникам, до сих пор не был известен;² равным образом остается невыясненным, кто был его непосредственным, глухо упоминаемым в письме Шамиля, предшественником в Шубутовском наибстве.³

¹ «Отошел [от имама Шамиля и повернул к русским] таким же образом вилайет Шубута с их наибом Батакайем», — повествует под 1857—1858 гг. хроника Мухаммеда Тахира (см. теперь русский перевод А. М. Барабанова, стр. 242).

² В напечатанной в 1914 г. заметке «Приказы Шамиля» дата соответствующего письма указана ошибочно: «Рабби-Эль-Аввель, 2-го числа 1268 года» (ср. ниже стр. 54).

³ В 1845 г., во время знаменитой «сухарной» экспедиции Воронцова в Дарго, был убит Мааша, наиб Шубутовский (Акты Археогр. ком., т. X, стр. 397). Согласно некоторым источникам, шубутовским наибом был также Джеват-хан, скончавшийся в 1842 г. По сведениям Берже (I. с., стр. 111—112), «Шубутовское» наибство, отличное от «Шатоевского», возникло лишь в 1846 г.; это сведение противоречит данным военной хроники предшествующих лет, упоминающей Шубутовское наибство с начала 40-х го-

Атабай, называемый также часто Атабай-муллой (по своей первоначальной профессии) — не менее известный, чем Батуко, хотя, повидимому, и менее талантливый в военном отношении и менее ценившийся имамом в административном и политическом отношениях наиб Шамиля. О нем имеются многочисленные разрозненные упоминания с 1844 по 1851 г. включительно [впервые называется в августе 1844 г., см. Кавк. сборн. (т. VII, 1883, стр. 286—290) и Акты (т. IX, Тифлис, 1884, стр. 886)]. По сведениям Берже (I. с., стр. 112), он явился, в качестве одного из наибов М. Чечни, преемником умершего наиба Исса в 1845 г. Формальное утверждение Атабая наибом М. Чечни, с обширными полномочиями, было произведено Шамилем на съезде всех наибов и старшин Чечни в сел. Шали 12 октября 1845 г. (ibid., т. VI, 1882, стр. 426). Атабай был активным участником смелого, но неудачного движения на Кабарду, предпринятого Шамилем в апреле 1846 г. (ibid., т. XVI, 1895, стр. 331—335; т. IV, 1879, стр. 20; Акты, т. X, стр. 580), и проявил себя крайне неудачно 15 сентября 1851 г. в районе крепости Грозной преждевременным отступлением, погубив смелое предприятие своих товарищей, наибов Талгика и Гяхо [ср. Л. П. Николаи в «Кавказе», 1872, № 101]. До августа 1846 г. Атабай состоял наибом Гехинского округа М. Чечни; 22 числа этого месяца его сменил на посту гехинского наиба более ценившийся Шамилем кабардинец, князь Магомет мирза Анзоров, бежавший незадолго перед тем из Кабарды (Кавк. сборн., т. XI, стр. 303) и убитый впоследствии, 19 июня 1851 г. (ibid., т. XIX, 1898, стр. 32; Акты, т. X (стр. 514)]. Атабай был лишь перемещен, сохранив звание и оставаясь наибом в последующие годы, наряду с Анзоровым [ср. упоминание его одновременно с этим последним в «Кавказском сборнике» (т. XII, 1888, стр. 410)]. Точное наименование наибства, ему подчиненного, остается невыясненным,¹ однако, судя по картам пятиверстного масштаба старой редакции (конца 70-х — начала 80-х годов), он жил в районе верховьев р. (Урус) Мартан (здесь указываются «развалины аула Атабай», верстах в 10, считая по воздушной линии, на запад от Шатоя, область обитания общества Пшхой *гсп.* Пшехо); кстати заметим, что предшественник Атабая, наиб Исса, управлял с 1845 г. жителями сел. Урус Мартан, «перешедшими в леса на левый берег верхнего Мартана», по сведениям Ржевуского (Кавк. сборн., т. VI, стр. 403).² В 1848 г., с 10 по 25 августа, Атабай пробыл, в качестве добровольного беглеца от Шамиля, в русском лагере Урус Мартан. К., автор мемуаров о левом фланге Кавказской линии в 1848 г., так описывает это событие: «Перед рассветом 10 августа к нам на Урус Мартан выселился бежавший от Шамиля один из наибов Малой Чечни — Атабай. Это был человек средних лет, небольшого роста, плотный, коренастый, широкоплечий, с красивым, но угрюмым лицом. Он ходил всегда в белой черкеске, в белом башлыке и в черной папахе с белой верхушкой. На груди, на серебряной цепочке, висел дорожный компас в серебряной оправе и красовались две треугольные серебряные медали с арабскими надписями..

дов. Л. П. Николаи упоминает в своих мемуарах («Кавказ», 1872, № 95) о тяжелом ранении 18 января 1851 г. наиба шатойского — очевидно, речь уже о Батуко.

¹ В числе аулов, ему подчиненных, находились два аула Харсаной, располагавшиеся в 50-х годах в бассейне верхнего течения р. Урус-Мартан (ср. ниже, стр. 82).

² Наименование «развалины аула Атабая» допускает, наряду с предлагаемым в тексте, иное толкование: имя «Атабай» носил также известный по событиям 1860—1861 гг. «абрек», один из руководителей движения «зикристов», сдавшийся 14 декабря 1861 г. командующему войсками Святополк-Мирскому. О зикристах ср. спец. статью А. Ипполитова в «Сборнике сведений о кавказских горцах» (вып. II, Тифлис, 1869): «Учение „Зикр“ и его последователи в Чечне и Аргунском округе» (здесь Атабай упомянут на стр. 19, прим. 2). Но не одно ли лицо «наиб Атабай» и «абрек Атабай»?

Обе медали или, правильнее, оба знака отличия были совершенно одинаковы; не одинаковы были только надписи на них; на первой значилось: «Герой, опытный в боях и, как лев, бросающийся на неприятеля»; надпись второго знака отличия, если только истинный смысл ее не искажен в переводе, вызывает на размышления: «Только тот может назваться храбрым, кто не думает о последствиях. . .»¹

«Что заставило его покинуть родной аул и поселиться в русском лагере, под выстрелами своей же, т. е. чеченской, артиллерии, — также никто не знал, но предполагали, что или несогласия, возникшие между местными и пришлыми тавлинскими наибами, или опала, которую он навлек на себя своими притеснениями и поборами. . . Ровно через две недели, 25 августа, Атабай так же таинственно скрылся из лагеря, как и появился в нем. Четырнадцатидневное пребывание Атабая на Урус Мартане повергло всех в крайнее недоумение. . . Все, что мы могли узнать относительно него от лазутчиков, заключалось в том, что Атабай перед выселением своим на Урус Мартан куда-то отлучился; при этом лазутчики прибавляли, что если на Атабая и возложена была Шамилем какая-либо разведочная миссия, то лучшего выбора имам сделать не мог, потому что наиб был человек скрытный и бесстрашный» (Кавк. сборн., т. XI, 1887, стр. 315 сл.).

Хажияу (в русских источниках: Аджиев, Хаджио, Хазио и т. п.), упоминаемый в письме к Батуко в качестве бывшего мудира в том районе, где находилось наибство Батуко, хорошо известный в литературе приближенный Шамиля, выступающий и в роли наиба (в Анди), а чаще всего в роли казначея при имаме, в отличие от чеченцев Батуко и Атабая, — аварец по происхождению.² Институт мудирства, установленный в конце 40-х годов на специальном съезде в Анди [в 1846 или 1847 г., согласно предисловию к статье «Низам Шамиля», стр. 5; по некоторым противоречивым данным русских военных источников съезд состоялся позднее — ср., напр., сказанное в «Кавказском сборнике» (т. VIII, стр. 244) о съезде в Анди 2 марта 1849 г.], себя не оправдал, послужив источником неудовольствий и столкновений должностных лиц; письмо к Батуко от 21 июня 1852 г. дает новое и ценное по точности указание на время ликвидации мудирства в Чечне.

Письмо к Батуко от 6 сентября 1852 г. формулирует обязанности наиба: вести «дела шариатские и административные и низамские», т. е. в переводе на русский административный язык — дела по ведомствам духовному, гражданскому и военному. Что касается первых, то тут функции наибов ограничивались, как известно, общим наблюдением за исполнением «законов шариата» (непосредственно дела шариатские ведались духовными лицами, муфтиями и казиями), в особенности в части отношений, вызывавшихся последствиями обычаев кровной мести. Гражданское управление осуществлялось при посредстве сельских старшин; здесь основным являлось наблюдение за правильным поступлением натуральных и денежных повинностей населения. Важнейшей функцией наибов служило военное руководство отрядами мюридов и, в экстраординарных случаях, общегражданским ополчением. Низам, военный устав, был выработан на том же самом съезде в Анди, на котором установлена была должность мудиров [см. цитированную выше статью «Низам Шамиля», в «Сборнике сведений о кавказских горцах» (т. III; Тифлис, 1870), где дан перевод арабского текста «Низама» по рукописи Танус Магомы].

¹ Ср. с этим сведения Берже (I. с., стр. 114—115), где перевод гласит: «Кто думает о последствиях — в том нет храбрости».

² Портрет Хажияу имеется также на упомянутой выше литографии 1859 г., под № 12 («Мирза Хазьяо, письмоводитель»).

По мнению, высказывавшемуся в русской военной литературе неоднократно, введение низама в Чечне не только не способствовало усилению ее обороноспособности, а наоборот, резко понизило боевые качества чеченцев; введение с 1843 г. артиллерии, до крайности стеснявшей свободное маневрирование чеченских летучих отрядов, а с начала 50-х годов воинских порядков по типу русской регулярной армии, т. е. низама, превратило ранее неуловимых в свободной партизанской войне чеченцев в плохое подобие русских войск и способствовало, судя по событиям последующего времени, скорейшему поражению Шамиля сначала в Чечне, служившей главным экономическим и стратегическим оплотом имамата, а затем и в самом Дагестане.

Письма Шамиля к его чеченским наibaм, в общем аналогичные рассматриваемым нами, известны были до сих пор исключительно в русском переводе и рассеяны в довольно большом количестве в обширной литературе, так или иначе касающейся военных действий в Чечне в 1840—1858 гг.; изданы в переводе были, в числе других, и письма, публикуемые в настоящей статье в подлиннике (ср. ниже, стр. 54—55).

Каковы были обстоятельства, при которых письма попадали в руки царской администрации, кем и, наконец, как они переводились? В ответе на поставленные вопросы заключена, между прочим, оценка значительной категории тех документальных сведений, которые имеются в распоряжении исследователей истории шамилевского имамата.

Легче, к сожалению, ответить на первый вопрос, чем на два последних. Вот несколько типичных примеров военных обстоятельств, способствовавших попаданию шамилевской корреспонденции в распоряжение неприятеля: 1) «22 мая (1846 г.) нарочный из Веденя секретно доставил Фрейтагу (командующему левым флангом Кавказской линии) перехваченную записку Шамиля. . . В этой записке, лаконической, как и все, что выходило из-под пера повелителя Чечни и Дагестана, говорилось: „от имама Шамиля братьям моим Атабаю, Саибдуле, Дубе и Талгику. Желаю вам мир и предписываю собрать всю чеченскую кавалерию к будущему четвергу в Шали. Вы должны быть там с партиями до моего прибытия. Если бог позволит, я в тот же день буду и сам в Шали“» [текст приводится в цитированном переводе, видимо лишь приблизительной точности, в «Кавказском Сборнике» (т. XV, 1894, стр. 457)]; 2) 9 апреля 1846 г. «один из мюридов Шамиля, тайно преданный русским, привез начальнику левого фланга письмо к наibaм Бате и Талгику следующего содержания: „От князя всех мусульманских народов и султана тех, кто признает единого бога, братьям моим Бате и Талгику. Да хранит вас всемогущий бог от неверных и их злонамеренных козней! Я приказал всем наibaм собрать вверенные им части войск в будущую субботу (13 апреля) прежде полудня. То же самое должны будете исполнить и вы. Шали я назначаю сборным пунктом, куда и сам прибуду с несколькими орудиями в назначенное время. Орудия я хочу поставить возле самой неприятельской дороги. Прошу хранить это в тайне от жителей“. . . Генерал Фрейтаг приказал снять копию с письма Шамиля, а подлинник возвратил мюриду для доставления по адресу» (Кавк. сборн., т. XVI, стр. 313) (для характеристики трудностей реального понимания смысла этого письма ср. *ibid.*, стр. 336); 3) «25 августа (1851 г.) в темную ночь на казачий секрет, расположенный в лесу против Троицкой станицы, наехала небольшая партия всадников. На оклик „Кто едет?“ всадники вместо ответа повернули в сторону и ускакали. Секрет успел, однако, сделать по ним вдогонку залп, которым один из них был убит. Лазутчики признали в нем жителя аула Веден Магомета Хаджи. . . На убитом найдены четыре

записки, неизвестно кому адресованные; одна из них была от самого Шамиля, за его печатью, следующего содержания: „Посылаю вам нижайший поклон и пожелание, чтобы Аллах помогал вам во всех делах ваших. Податель записки этой привез ко мне от вас известие, которое мне очень понравилось и за которое я остаюсь вами очень доволен. Если вы остались верны данному вами обещанию и намерены исполнить его, то действуйте как укажет вам мой посланный“. Вследствие желания главнокомандующего (Воронцова) узнать, к кому они адресованы, начальник владикавказского военного округа г.-м. Ильинский доносил, что по сведениям, заслуживающим доверия, записки эти могли быть адресованы влиятельным лицам из осетинских и кабардинских фамилий etc». (Кавк. сборн., т. XIX, стр. 34—35).

Во всех приведенных примерах отчетливо выступает исключительная роль так наз. лазутчиков, шпионов, служивших нередко одновременно и Шамилю и командованию царских войск. Все мемуары о кавказской войне насыщены сведениями об этих лазутчиках [ср., напр.: Ольшевский в «Русской Старине» (1894, февраль, стр. 131); Зиссермана в «Современнике» (1857, ноябрь, стр. 38), категорически заявляющего: «ни один замысел, ни одно предприятие Шамиля и его наибов не остается для нас тайной»], выкрадывающих подлинные письма имама или же довольствующихся снятием копий [пример последнего в «Кавказском Сборнике» (т. XI, стр. 369): «наиб (Абакар Дибир), потерявший сына в деле 27 августа (1848 г.), получил от Шамиля собственноручное письмо, в котором имам выражал ему свое соболезнование. Лазутчики обещали доставить копию с этого письма. . .»]. Качество информации, добываемой этим путем, естественно вызывает (как вызывало и прежде) сомнения. Прушановский, автор интересной «Исторической записки о начале и развитии духовной войны (или превратного тариката и учения о нравственном элементе человека) в Дагестане с 1823 по 1843 г.», особо подчеркивает, что «нет возможности в настоящее время (в 1844 г.), по неимению верных источников, представить эти сведения (scil. о внутренней организации имамата) с некоторою полнотою, подробностью и достоверностью; при изыскании их надо было довольствоваться показаниями лазутчиков и таких лиц, которые живут вблизи театра действий Шамиля и пользуются в Дагестане общим доверием» (Кавк. сборн., т. XXIII, 1902, стр. 55—56). Даже в тех случаях, когда информация черпалась из подлинных писем, трудно было гарантировать достоверность, поскольку при переводе приходилось пользоваться столь же ненадежными услугами неофициальных лиц местного происхождения. Официальной должности переводчика с а р а б с к о г о языка на левом фланге Кавказской линии не существовало — были переводчики с тюркских (прежде всего кумыкского) и чеченского языков.

Из числа последних нам известны Алибек Пензулаев (о нем подробно говорит Ольшевский) и Арцу Чермоев. Что касается центральных органов управления Кавказом в Тифлисе, нам известны в 40-х и 50-х годах в качестве состоящих при «дипломатической канцелярии наместника кавказского» п и с ь м е н н ы х переводчиков «турецкого и арабского языков» капитан (впоследствии майор в отставке) Иосиф Лазаревич Цилосани, «персидского и татарского языков» (знавший, без сомнения, также и арабский) хорошо известный в качестве писателя Мирза Фетх Али Ахундов. В начале 50-х годов (1850—1852) имелись штатные должности переводчиков и при Генеральном штабе в Тифлисе — их занимали конномусульманского полка майор Мирза Магаррем и поручик Магад Айгуни (Кавк. календарь на 1850—1852 гг.). С середины 50-х годов появляются официальные письменные переводчики и в Ставрополе (при штабе войск Кавказ-

ской линии) и в Темир-Хан-Шуре (при штабе командующего войсками в Прикаспийском крае). Судя по скудным указаниям доступных источников, подавляющее большинство лиц, исправлявших переводческие обязанности как официально, так и неофициально, по происхождению являлось кавказцами, по источнику арабистических познаний — воспитанниками местной кавказской школы. Такое положение вещей вызывало для царских властей множество затруднений и послужило главным мотивом для создания в сентябре 1850 г. отделения восточных языков при Новочеркасской гимназии, с четырехгодичным курсом обучения; фактическое открытие отделения произошло в 1853 г. Первый выпуск состоялся, следовательно, лишь в 1857 г., к самому концу кавказской войны.¹

Полезное действие Новочеркасского отделения восточных языков сказалось, таким образом, по преимуществу в сфере гражданской, судебной и научной уже по окончании военных действий на восточном Кавказе. По свидетельству П. А. Пржецлавского, относящемуся ко второй половине 60-х годов, «при управлении и судах (в Дагестане) служат, с большою пользою, военные переводчики из уроженцев Земли Войска Донского, воспитанники Новочеркасской школы восточных языков; они во всех отношениях стоят далеко выше большей части тех переводчиков из туземцев Кавказа, которых г. Вердеревский, в сочинении своем „Плен у Шамиля“, назвал органами правительства» («Вестник Европы», 1867, сентябрь, стр. 180). Своего рода дочерним филиалом Новочеркасской школы явилась горская школа в Темир-Хан-Шуре, открытая, по уставу 20 октября 1859 г., 16 мая 1861 г. и существовавшая до 14 сентября 1874 г., с какового времени она была преобразована в прогимназию, в свою очередь превратившуюся в 1880 г. в реальное училище [подробные сведения о горской школе и ее последовательных метаморфозах см. в книге Е. И. Козубского — «Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища, 1880—1889» (Петровск, 1890)]. В горской школе, в ее подготовительном классе, протекала педагогическая деятельность, в том числе и по арабскому языку, воспитанника Новочеркасской школы сотника (впоследствии есаула) Гавриила Александровича Подхалюзина 1-го, известного в научной литературе по Кавказу переводами с арабского языка на русский «Низама Шамиля» и «Сказания очевидца о Шамиле» Гаджи Али.² Вторым арабистом, сотрудничавшим в редакции «Сборника», и переводчиком сочинения о тарикате Джамаладдина Казикумухского, тарикатских легенд и сочинения о тарикате Мугеддина Магомед Ханова (Сборники сведений о кавказских горах, вып. II и IV) был уроженец дагестанского (лакского) аула Курклю, состояв-

¹ Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876, т. I, СПб., 1879—1880, стр. 125. В отделении особенно успешно преподавался арабский язык. «Я знал, — пишет Н. И. Веселовский, — одного воспитанника Восточного отделения Новочеркасской гимназии О-ва, который потом состоял одно время приставом при Шамиле. С Шамилем он говорил не иначе, как по-арабски». «Между прочим, практиковалась такая мера: каждый воспитанник, во время своего пребывания в Отделении, обязан был составить арабский словарь» (ibid., стр. 126, прим. 86). Старшим учителем арабского языка был с 1850 г. кандидат Казанского университета Николай Крашенинников (ibid., стр. 234); исправляющим должность младшего учителя арабского языка и одновременно старшего учителя аварского языка числился мулла Али Юсуф Оглы (Материалы для истории факультета восточных языков, т. I, СПб., 1905, стр. 110). Учащиеся комплектовались исключительно из числа офицерских детей Донского и Черноморского казачьих войск (Веселовский, ibid., стр. 125).

² Г. А. Подхалюзин участвовал также в переводе полемики по вопросу об отчуждении собственности по Назру (обету), происходившей между Мухаммедом Тагиром и Аджилем Али (см. Сборник, вып. V).

ший с 1867 г. переводчиком при Кавказском горском управлении, милиции прапорщик Абдулла Омаров; подробное описание обстоятельств своей арабистической подготовки, интересное для характеристики мусульманской школы Дагестана самой середины прошлого века, Абдулла Омаров дал в своих статьях «Воспоминания муталима», помещенных в том же «Сборнике сведений о Кавказских горах» (вып. I и II) [спец. ср. «заключение (вып. II, стр. 46 сл.)], где подробно излагается дагестанская программа нормального обучения арабскому языку; следует отметить, что единственная журнальная статья на русском языке новейшего времени, посвященная «дагестанской мусульманской школе», — статья С. Фарфоровского в «Журнале Министерства народного просвещения» (1915, ноябрь, отд. 3, стр. 1—19) — представляет собою простой пересказ статей А. Омарова, вводящий в заблуждение читателей отсутствием должных ссылок на источник заимствований.¹

Ответить на вопрос, как переводили с арабского до выявления и опубликования арабских оригиналов всех тех документов и литературных произведений, которые известны лишь в русских переводах, строго говоря, невозможно. Возможны лишь более или менее обоснованные косвенные умозаключения на этот счет, более трудные по отношению к литературным памятникам, чем к письмам и возваниям. Контрольной инстанцией могут служить, напр., цитаты из Корана, рассеянные там и сям в переводах, о «методе» которых приходится судить по редакционным предисловиям (напр. к переводу сочинения Джемалэддина о тарикате, где говорится: «дословный перевод рукописи Джемалэддина. . . сделан по предложению редакции г. Абдуллой Омаровым, причем главным образом имелось в виду сохранить буквальный смысл почти (?) каждой фразы подлинного сочинения Джемалэддина» (Сборн. свед. о кавк. горах, вып. II, статья «Учение о тарикате», стр. 3). Судя по формулам обращения, титулатуры, способам передачи собственных имен, в большинстве случаев имел место не перевод в строгом смысле этого слова, а пересказ.²

¹ Непосредственных и точных данных, которые позволили бы судить о сравнительных достоинствах русских и туземных арабистов, у нас не имеется. Интересно в этом смысле беглое замечание известного своими этнографическими работами по Дагестану лесничего Дауда Бутаевича Бутаева об А. А. Подхалюзине (брата вышеупомянутого Г. А. Подхалюзина, также питомца Новочеркасской школы): «В 1878 году, после миротворения Нагорного Дагестана, начальником Казикумухского округа был назначен дагестанец — житель сел. Чох, полковник Мамалов, а помощником его — подполковник А. Подхалюзин, человек очень энергичный, даровитый, хорошо знавший арабский и азербейджанский языки . . . народ его любил и уважал» (Изв. Кавк. отдела Русск. геогр. общ., т. XXIII, Тифлис, 1916, стр. 283); репутация «хорошего знатока» арабского языка, заслуженная в глазах местных жителей (мнение которых отражают приведенные слова) одного из центров арабизма в Дагестане, неплохо характеризует деятельность Новочеркасской школы.

² Что касается формул обращения и титулатуры, то можно привести для примера перевод письма Шамиля к наibu Талгику, в начальной части весьма напоминающий письмо к Батую: «От повелителя всех мусульманских народов Шамиля душевному другу моему наibu Талгику. Желая тебе вечный мир с богом всемогущим! Когда дошло до меня известие о несчастии, постигшем нашего брата Дубу, я не мог удержать моих слез и душевно горевал о бедствии. Именем всемогущего бога призываю вас на брань с неверными. Я с князем Даниелем соберу в горах всех, кто только может носить оружие, и приду к вам. Если помощь моя нужна скорая, уведоми меня, и я прискачу к вам так скоро, как бегут зайцы. Действуйте против неприятеля так же хитро, как лисицы, и не оставляйте от обычаев ваших славных предков. Надейтесь на бога, который не допустит наносить вам новые обиды. Знай, мой любезный брат, что если отторгнется от нас гехинский округ, то погибнет вся Чечня. Ничтожный раб божий Шамиль» (письмо относится к марту 1847 г., см. Кавк. сборн., т. XI, 1887, стр. 345—346). Имя Шамиля встречается почти исключительно в этой именно узаконенной русской практикой форме имени, не соответствующей арабской; лишь в единичных примерах находим, вместо

Публикуемые в настоящей статье текст и перевод пяти писем Шамиля дают новую возможность оценить с документальной точностью некоторые образцы из числа имеющихся в старой кавказоведческой литературе переводов с арабского, делавшихся различными лицами по официальному поручению, поскольку русский перевод этих писем (к сожалению, неизвестно, кем и когда сделанный) был уже однажды напечатан, а именно в издававшихся во Владикавказе (Орджоникидзе) «Записках Терского Общества любителей казачьей старины», в заметке под заглавием «Приказы Шамиля».¹

Здесь мы читаем:

«В Терском областном музее хранятся шесть собственноручных писем Шамиля к его наибам и жителям Чечни. Письма написаны на восьмушках писчего листа бумаги черными чернилами на арабском языке. Приводим эти письма в русском переводе.

1

От Шамиля жителям, живущим в Дачу-Борзое, Улускерт и окрестностях их.

До моего сведения дошло, что вы идете против имама. Идите, если хотите; но вы идете против бога, и я вам это разрешаю. Кто из вас сойдет с правильного пути, то я все равно узнаю и если не теперь, то впоследствии. Избегнуть дурного и делать хорошее без божьей помощи нельзя.

2

От Шамиля всему подведомственному Атабаю народу.

Атабай обратился к нам с просьбой уволить его от должности наиба, чтобы остаться на свободе и заняться учениками. Мы разрешили ему и на место его поставили Батуко. А потому предлагаю подчиняться ему, слушаться его, а также исполнять его законные требования. Тот, кто будет исполнять его приказания, исполняет мою волю, а кто будет противоречить ему, тот противоречит мне. Всякий противоречащий пусть винит сам себя. Дзюлькаде, 21 числа, 1268 г.²

На обороте письма печать Шамиля.

3

От Шамиля шатоевцам.

Перевожу вас под наибство Батуко, потому что нахожу это нужным. Он будет говорить вам все то, что богу и пророку угодно, а потому предлагаю подчиняться ему во всем. Кто будет сопротивляться этому, тот, значит, сопротивляется богу, пророку и мне, а кто будет подчиняться, тот подчиняется богу, пророку и мне. Я считаю всех вас своей семьей, а потому чего не желаю себе, того не желаю и вам. Рабби-Эль-Аввель. 2-го числа 1268 г.

На обороте письма печать Шамиля.

этого, форму Шамуил, как, напр., в письме обитателей Западного Кавказа, черкес-натухайцев, к генералу Нейдгардту, датированном: «1260 гиджры. 28 дня месяца реббийль-ахира» (Кавк. сборн., т. VII, 1883, стр. 375—376; здесь же—интересное по ученой аргументации воззвание Шамиля к анкратльцам).

¹ 1914 г., № 4, стр. 78—79. Сообщением из Орджоникидзе полного текста заметки, помещенной в недоступном нам издании, автор комментария обязан любезности проф. Л. П. Семенова.

² Мусульманской эры.

4

От Шамиля наибу Батуко.

Салам. Каждого, кто будет вести себя дурно, сначала поугатать, а потом наказать, и так наказать, чтобы ему и в голову не пришло повторить другой раз дурной поступок. Не бояться никого и делать все угодное богу, и мы в правдивом поможем тебе. Ты должен знать, что власть от Хаджиева отнята, а потому его не слушаться. Рамаддан, 3 числа 1268 года.

На обороте письма печать Шамиля.

5

От Шамиля наибу Батуко.

Салам. Народ, находящийся под управлением Атабая, передаю тебе. Бог осчастливит народ с назначением тебя, а тебя осчастливит с принятием этого народа. Приказываю тебе относиться ко всем одинаково, так же, как ты относился к прежним своим подчиненным, исполнять в точности шариат и воинскую дисциплину, быть справедливым с ними и не оставлять их дела расстроенными. Дзюлькаде, 21 числа 1268 г.

На обороте письма печать Шамиля.

6

От Шамиля двум Харсановским аулам.

Салам. Я вас передал под управление наибу Батуко, а никому-либо другому. Он ваш теперь начальник, и вы должны подчиняться ему, исполнять все его приказания, ни в чем не сопротивляться и о других наibaх не думать и не ожидать. Кто будет оказывать ему сопротивление, тот пусть винит самого себя. Дзюлькаде (числа нет) 1268 года).¹

Сравнение опубликованного в 1914 г. русского текста писем с переводами, предложенными в данной статье, вполне подтверждает высказанную выше (на стр. 53) характеристику имеющихся в литературе переводов с арабского; в данном случае мы имеем, конечно, не перевод, а лишь пересказ, местами весьма приблизительный, общего смысла текста, с устранением обычных формул введения и заключения писем и с пропуском весьма характерных эпитетов, прилагаемых автором писем к себе самому и к своим адресатам.

¹ Последовательность писем в заметке «Приказы Шамиля» соответствует старой нумерации, о которой упомянуто выше, стр. 36. Фотоснимок письма, означенного в заметке № 6, в материале, поступившем в Ленинград от З. К. Мальсагова, отсутствует.

Интерес этого последнего письма заключен, принимая во внимание неточность всех переводов писем, в содержащемся в обращении упоминании «двух Харсановских аулов». Этим упоминанием удачно уточняется район нового для осени 1852 г. (как явствует из контекста письма) наibства Батуко: оба аула Харсаной, как указывалось выше, находились в бассейне верхнего течения р. Урус Мартан, в непосредственном соседстве с аулом Атабая (ср. о нем сказанное выше на стр. 48). Сопоставляя все данные о наибской деятельности Батуко, содержащиеся в письмах Шамиля, мы можем установить два ее этапа: первый, начавшийся 16 января 1850 г., распространялся на «обшину Шубут» (район современного Шатоя, в бассейне р. Аргун), и второй, начавшийся 6 сентября 1852 г., когда его власть распространилась и на общество Пшехой, бывшее наibство Атабая (район современного сельсовета Харсеней Шатоевского района Чечено-Ингушской АССР, в бассейне р. Урус Мартан и его притоков). Неизвестное в подлиннике письмо к харсановцам, составлявшим, несомненно, часть «жителей области Атабая», дает основание заключить, что первое обращение к прежним подчиненным Атабая (письмо № 4, по старой нумерации № 2) оказалось недостаточно эффективным и что потребовалось дополнительное указание жителям двух аулов на то, что наibом является именно Батуко, а «о других наibaх думать и ожидать» не следует.

Как ни оценивать переводы, подлинники которых остаются неизданными, этой оценкой, разумеется, не затрагивается другой капитальный вопрос — о качествах арабистических познаний переводчиков в тех случаях, когда дело идет о местных переводчиках, для которых русский язык сплошь и рядом представлял большие затруднения, чем арабский. Большой интерес могли бы представить образцы арабского языка в документах, исходивших от царских властей: как известно, арабский язык употреблялся постоянно и царскими властями в письменных сношениях с горцами [напр. в цитированном письме к Нейдгардту читаем: «бумагу, которую ты прислал нам на арабском языке, мы в руки приняли и прочитали и содержание ее знаем»; последняя переписка с Шамилем перед сдачей его Барятинскому «происходила с обеих сторон в течение всего времени на арабском языке», и потому Волконский, приводящий текст письма, исходившего от имени начальника штаба к Шамилю, оговаривается: «Нам приходится буквально и без изменений цитировать русские переводы наших переводчиков, которые состояли при главнокомандующем; отступлений не только от смысла, но даже от слога переводов мы не допустили» (Кавк. сборн., т. IV, стр. 406)].

Судя по документам, опубликованным А. П. Берже в «Актах Кавказской археографической комиссии» (т. I, Тифлис, 1866 и сл.), арабский язык, в качестве языка дипломатической переписки на Кавказе, употреблялся искони по преимуществу в северном и центральном нагорном Дагестане (Аварский и Лакский районы), отчасти в Елисейском султанате, тогда как в прочих частях Дагестана и Восточного Закавказья безусловно преобладал персидский; турецкий и азербайджанский играли до 30-х годов XIX в. вполне подчиненную роль. (Подлинные образцы арабского языка дагестанских дипломатических канцелярий первых десятилетий XIX в. см., напр.: Акты, т. I, 1866, стр. 77; т. II *passim*, и т. д. Перевод их на русский язык принадлежит Мирзе Фетх Али Ахундову.)¹

В этой связи интересно отметить, что известный Даниял, Султан Елисейский, переписывавшийся и с русскими и дагестанскими своими корреспондентами по-арабски, считает нужным в конфиденциальном письме к ген. Меликову определить свое отношение к трем употреблявшимся в Дагестане языкам таким образом: «Просим вас постараться найти человека, знающего фарсиское наречие, и прислать его к нам. . . Если вам

¹ Так, напр., Мамед Хасан-хан Шекинский переписывается с закатальскими аварцами по-арабски (Акты, т. II, стр. 638, док. № 1282); он же пишет по-арабски «ко всему духовенству, старшинам и проч. общества кумыкского Акса» (арабский текст и перевод *ibid.*, стр. 639, док. № 1283). В церемониале вноса грамоты императора Александра I от 10 VII 1805 г. на имя шекинского владельца Селим-хана пунктом 11 предусматривается чтение грамоты по-русски и последующий устный перевод русского текста по-арабски (*ibid.*, стр. 656, док. № 1325). Аварский казий Мирза Мамед пишет к кн. Цицианову, наместнику Кавказа, в 1803 г. по-арабски (арабский текст и перевод *ibid.*, стр. 768, док. № 1578); по-арабски же пишет в том же году Цицианову Ахмед хан аварский (текст и перевод *ibid.*, стр. 770, док. № 1583). На том же языке пишет шамхалу Тарковскому, Мегди Хану, Мамед Кади Табасаранский (текст и перевод *ibid.*, стр. 777, док. № 1600) и Мамед Хасан-хан Шекинский «к князьям, старшинам и обществам Кабарды» (текст и перевод *ibid.*, стр. 949, док. № 1935). Приведенным примерам применения арабского языка в письменных сношениях кавказских деятелей между собою и с царскими властями противостоят единичные случаи, когда в тех же районах Кавказа применяется турецкий язык. По-турецки пишет, напр., Сурхай хан Казикумукский кн. Орбелиани (турецкий текст и перевод *ibid.*, стр. 774, док. № 1590). На том же языке пишет Ших Али хан Дербендский «к кадиям Акушинскому и Цудахарскому и прочим тамошним большим и малым старшинам» (текст и перевод *ibid.*, стр. 784, док. № 1614), также «ученые эфендии и другие почетные граждане гор. Ахалциха» к дагестанцам, в 1804 г. (текст и перевод *ibid.*, стр. 897, док. № 1831). По-турецки же пишут кабардинские князья к Цицианову (текст и перевод *ibid.*, стр. 949, док. № 1936, и стр. 950, док. № 1937).

окажется необходимым писать к нам письмо, то пишите оное собственноручно и по-татарски, потому что письма на этом языке мы разбираем без затруднения» (Кавк. сборн., т. IV, стр. 233). Что более имел в виду Даниял Султан в последней фразе — свои ли собственные интересы, заставлявшие предпочесть татарский язык, как ему более близкий, чем арабский, или же интересы своего корреспондента, знакомого только с татарским? ¹

Как бы то ни было, обязательство обращаться в письменных сношениях с Дагестаном и Чечней именно к арабскому языку выставляется иногда в качестве неперемногого условия со стороны Шамиля, как нечто отягчающее ведение переговоров [ср. указание в этом смысле в воспоминаниях взятого в плен русского солдата И. Загорского в «Кавказском сборнике» (т. XIX, стр. 233)].

Рассматриваемые письма интересны еще и в том отношении, что дают лишнее основание сомневаться в характеристике М. Я. Ольшевского образовательного уровня в Чечне 40-х годов прошлого столетия.²

О том, что русские авторы склонны были вообще недооценивать арабистические познания горцев, можно судить по примеру Козубского. «При выходе Шамиля из Гуниба, — пишет он в „Русском Архиве“ (1896 г., № 9, стр. 105), — в числе вещей, принадлежавших ему, оказалось пять сумок с книгами. Они были доставлены в Шуру и разобраны комиссией из трех переводчиков. По содержанию книги, как было видно из надписей, принадлежавшие старшему сыну Шамиля, разделялись на четыре отдела: 1) священные (Алкоран, комментарии на него и т. п.), 2) грамматические, 3) юридические, в том числе Мингадж, „принятый за руководство в Дагестане“, и 4) хадисы или рассказы, относящиеся до жизни Могамеда и других халифов, собрание молитв, заговоров, мелких стихотворений и др. «Особенных сочинений по поводу мюридизма и исторических не оказалось» (Дело гражд. канц. нач. Даг. обл., 1859, № 183). «Из этого видно, — добавляет Козубский, — что едва ли Шамиль и его сына можно было причислить к ученым арабистам, в смысле знатоков арабской литературы». Излишне было бы настаивать на неубедительности такого вывода: давно известно более авторитетное и надежное свидетельство о Шамиле как арабисте со стороны русского ученого, дагестанца по происхождению, А. Казембека [ср. его письмо в «Journal Asiatique» (5 m-e s., XV, 1860, pp. 270—271)].

Высокий уровень интереса к арабскому языку в среде дагестанской интеллигенции, первые заметные проявления которого в северном Дагестане восходят, судя по скудным сведениям наших источников, к XVII в. и стоят в связи с военными и политическими предприятиями турок в конце XVI — начале XVII в. на территории Восточного Кавказа, держался вплоть до начала XX в. Не лишена известного интереса ссылка на особые преимущества арабского языка, как языка литературно развитого, при попытках устранить его из дагестанского обихода, делавшихся царским правительством в 60-х годах прошлого века. «С открытием народной школы

¹ Видные царские военачальники лишь в единичных, особо подчеркиваемых и выставляемых на показ примерах могли похвалиться знанием местных языков, обычно какого-либо одного из двух: кумыкского или азербайджанского. Такими знатоками являлись, напр., Н. И. Евдокимов, И. Д. Лазарев, М. Т. Лорис-Меликов.

² «Все образование чеченца заключается в изустром затвержении текстов Корана, однако и таких людей между чеченцами немного; даже муллы не твердо знают Коран и толкуют его тексты вкривь и вкось; чаще же всего по своему усмотрению или в свою пользу. Таких же ученых, которые знали бы письменно татарского, а тем более арабского языка, между чеченцами не было во время моего знакомства с ними» (т. е. в 1844—1850 гг.). Русская Старина, 1893, июль, стр. 90—91).

в среднем Дагестане (в 1867 г.), в течение 8 или 9 месяцев, легкая официальная переписка производилась, — пишет в 1869 г. военный начальник среднего Дагестана, — на местных (аварском и казикумухском) языках, но впоследствии, по невозможности письменно выражать на этих языках некоторые мысли, какие легко выразить на арабском, официальные отношения на аварском и казикумухском языках почти прекратились, и в настоящее время переписка ведется преимущественно на арабском языке» (дело канц. нач. Даг. обл. по учебной части, 1869, № 19; см.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XIX, Тифлис, 1894, отд. 1, стр. 75).

Подлинные документы арабской письменности Кавказа, подобные рассматриваемым письмам Шамиля, будучи опубликованы, помогают преодолеть вредную, но упорную традицию в кавказоведении. Состоит эта традиция в том, что издаются памятники арабской письменности в русском переводе, без оригинала, так что ни судить о качестве перевода, ни разобраться в качествах самого первоисточника невозможно.

Как на пример этой традиции можно указать на изданную в Азербайджане в 1931 г. «Хронику войн Джара в XVIII столетии» в переводе проф. Жузе (об оригинале узнаем из предисловия лишь то, что «арабский текст документа, написанный очень трудным языком, переписан довольно плохим почерком») и на изданную в Дагестане в 1926 г. «Историю трех имамов» Мухаммеда Тахира.
